

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Дорога

Из далекого прошлого

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Дорога

«Public Domain»

1891

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Дорога / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1891 — (Из далекого прошлого)

Замысел книги воспоминаний восходит к 1891 г. «Нужно будет написать на всякий случай воспоминания о всех... простых и хороших людях, среди которых прошло мое детство»...

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Дорога

I

После отъезда отца наш дом опустел и точно замер. Мне часто казалось, что вот-вот отец войдет, и я даже слышал его шаги, привычку легко покашливать и его голос. Раз в нашем садике я совершенно ясно слышал, как он позвал меня, и почему-то страшно перепугался. Потом мне приходили в голову самые мрачные мысли: а вдруг отец заболеет и умрет? Мне ярко рисовалась ужасная картина нашего сиротства, и хотелось плакать: как мы будем жить, когда старшему брату было всего пятнадцать лет, а младшей сестре только полгода? Я достаточно насмотрелся на чужое сиротство и вперед переживал свою беду. И это был страх не за то, что вся семья останется без средств и будет бедствовать, нет, материальные расчеты отходили на задний план, а выступала главным образом нравственная сторона – потерять духовную опору, нарушить, так сказать, собирательную душу семьи. Прошло много лет, а я и сейчас до мельчайших подробностей представляю себе свое тогдашнее душевное настроение. Вообще из хорошей, крепко сложенной семьи нельзя вырвать ни одной части, не подрывая в корне органическое существование целого.

Странно, что для меня сразу потеряли всякий смысл все детские игры и занятия, которыми мы с моим другом Костей предавались раньше. Ведь каждая детская игрушка живет своей собственной жизнью, она согрета теплотой детского сердца и детского воображения, она несет в себе первые проблески просыпающейся личности, и вдруг она делается ненужной, лишней и умирает: если есть жизнь, то должна быть и смерть. Костя приходил ко мне, мы пробовали сделаться самими собой, но из этого решительно ничего не выходило. Мой друг тоже был невесел. Он завидовал мне, что я еду учиться, а он должен оставаться дома. В моменты малодушия я охотно готов был предоставить ему все свои преимущества в этом отношении, но когда мы были вместе, я начинал притворяться и говорил о будущем с полной уверенностью.

– Колотить будут тебя бурсаки, – уверял Костя, страдая от зависти.

– Колотить? – храбрился я. – Нет, ты не знаешь моего характера... Я, брат, и сам могу поколотить. Очень просто...

– Ну, брат, там найдутся такие силачи...

– А у меня есть перочинный нож. Да... В случае чего... Одним словом, я шутить не люблю.

Будущий герой в сущности очень трусил, припоминая короткий опыт своего ученья; но у Кости была скверная привычка поддразнивать, а тут всякий делается героем. Мне кажется, что многие герои делались героями только из трусости и что в каждом человеке самым мирным образом уживаются и трус и герой.

Моя мать отличалась всегда ровным, невозмутимым характером и была вечно так занята, что не оставалось времени для горьких дум. По отношению ко мне она осталась все такой же, ничем не проявляя своего настроения. На меня это действовало ободряющим образом. Что же, ехать так ехать... Мать выдержала свой характер до конца, до самого момента разлуки. Дело в том, что мне приходилось ждать «оказии», чтобы доехать сначала до Нижнетагильского завода, а там опять ждать «оказии», чтобы доехать до Екатеринбурга. На мое счастье, первая «оказия» не заставила себя ждать. Я прождал дома после отъезда отца всего несколько дней. Раз утром я бродил в садике, как мать крикнула мне в окно, что в Тагил едет Терентий Никитич и что она успела его остановить на дороге.

– Скорее, скорее... – торопила она, хотя, собственно, торопиться было некуда, – все давно было готово.

Мой багаж состоял из одного большого белого мешка, в котором зашито было все мое имущество. Мой младший братишка настолько был еще мал, что относился к моему отъезду совершенно равнодушно и, кажется, интересовался больше судьбой этого мешка, особенно когда заводский кучер Паныша (уменьшительное от Памфил) начал его привязывать к задку дорожной долгушки. Терентий Никитич, средних лет господин, высокий и коренастый, с добродушным русским лицом, был очень доволен, что мог доставить меня в Тагил.

– Все равно ехать, а двоим веселее, – повторял он, когда мать извинялась за беспокойство.

Мой мешок был привязан, я торопливо простился с матерью и братишкой и довольно храбро занял свое место в экипаже. Мать не плакала, а только смотрела на меня своими большими карими глазами.

– Ну, с богом! – проговорил Терентий Никитич. – Паныша, трогай!..

Пара крепких «киргизок» рванулась разом, и наша долгушка полетела вперед, как перышко. На повороте, где дорога поворачивала влево, я оглянулся, – мать стояла у ворот, держа на руках маленькую сестренку.

– Мама, прощай!.. – крикнул я.

Прощай навсегда и золотое детство, и родное гнездо, и родные, бесконечно любимые люди!..

Наша дорога огибала новый заводский пруд, к которому сошлись все три конца, на которые делилось заводское население: кержацкий (раскольниковый), хохлацкий и туляцкий. С деревянного моста, перекинутого через реку Висим, в последний раз я посмотрел на родной дом. Дальше дорога шла туляцким концом, широкие, правильные улицы которого были уставлены такими крепкими избами. На самом выезде дорога поднималась в горку, и с этой высоты открывался вид на весь завод с деревянной церковью в центре и с дымившей под плотиною старого пруда фабрикою. Нашего дома в этой кучке построек уже нельзя было различить, а можно было только угадывать приблизительно его место.

Терентий Никитич, вероятно, намеренно велел Паныше придержать лошадей, чтобы я мог в последний раз посмотреть на родное место. Да, тут все было родное, и я составлял только атом этого громадного органического целого. Через многие-многое годы шлю свой привет дорогому Висиму и вижу его теми же глазами, какими видел его в этот роковой день.

– Паныша, трогай! – скомандовал Терентий Никитич.

Я чувствовал, что он наблюдает меня, не расплачусь ли я, но я выдерживал характер и выехал с сухими глазами.

– Молодец! – похвалил меня Терентий Никитич, глядя по спине своей широкой ладонью.

Что такое родина в тесном смысле слова? Какие таинственные нити связывают нас с ней на всю жизнь? Отчего и сейчас я не могу без волнения думать о ней, вызывая в воображении целые вереницы картин, сцен и лиц? Почему кажется, что ты должен был родиться именно здесь, где родился? Почему, когда человек начинает стариться, он с такой любовью обращается к местам, освященным именно первыми детскими воспоминаниями? Мне делается как-то жутко при одной мысли о тех миллионах городских детей, детские воспоминания которых безнадежно упираются в стену соседнего дома, ограничиваются тесными пределами какого-нибудь чердака или подвала, двором грязного многоэтажного дома, пыльной мостовой и, – в лучшем случае, – своею собственною городскою квартирой. Да, это уже не дети, а квартиранты, жизнь которых размечена только разными квартирами, а для избранных какой-нибудь дешевой дачкой.

II

Дорога из Висима в Тагил идет все время горами, пересекая водораздельную линию между Европой и Азией. Мне особенно нравилась первая половина этой дороги, если ехать не прямо на Тагил, а сделать поворотку на Черноисточинский завод. Самый выезд из завода открывался красивой еловой порослью, куда мы каждую осень бегали за рыжиками. Дальше по течению реки Висима начинались покосы, а в числе их и наш, на откосе горы Пугиной. Это было чудное местечко, куда отец любил ездить «с чаем». Тут и бойкая горная речка, и роскошный луг, и лес, и студеный ключик. Для нас, детей, было величайшим наслаждением съездить на покос. Увы! сейчас, вероятно, я не узнал бы этого места, потому что по всему течению реки Висима открыто золото, и от нашего покоса, без сомнения, не осталось даже следов.

С дороги, где был спуск к реке Висиму, я видел наш покос и мысленно прощался с ним, как прощаются с близким и дорогим человеком.

– Прежде на Пугиной горе я много бил белки, – рассказывал Терентий Никитич, очевидно старавшийся развлекать меня. – Бывало, идешь с охоты и кругом всего пояса навешана белка, как бахрома. Ну, а нынче шабаш!.. Как-то целый день бродил по Пугиной и Шульпихе, и хоть бы одна белка попалась. Ведь маленькая зверушка, эта самая белка, а какая хитрая: летом, когда она красная, хоть руками ее бери, а как только выпал снег, сделалась она серой, – кончено! Идешь по лесу, собака нашла, облаяла, подойдешь к дереву ничего не видно. Непременно эта самая белка заберется в густую ель, в самую вершину, где ее и не просмотришь. Ну, у нас, у охотников, свое средство: возьмешь топорик, очистишь кору на ели и обухом по голому месту: бух!.. Молодая белка не выдерживает и бросается на другое дерево, а старая еще поглубже заберется, заляжет между сучками, и ничем ее оттуда не возьмешь, хоть дерево руби. Случалось так, что и дерево рубили: подрубишь дерево, оно повалится, а белка прыг на другое, – только ее и видел. Да, бывает.

Как теперь вижу лицо этого Терентия Никитича, такое доброе, хорошее лицо! Мне кажется, что есть какая-то необъяснимая таинственная связь между именем и человеком, который его носит. По крайней мере я другого Терентия Никитича в своей жизни не встречал. Отлично помню даже то место дороги, где он мне рассказывал об охоте по белке, именно – поворот около горы Пугиной.

Дальше следовал маленький перевал к деревне Захаровой, где через речонку, – кажется, тот же Висим, – был ужасно крутой спуск. Здесь по обеим сторонам моста раскинулся знаменитый прииск «Рублевик», который давал тысячи пудов платины в крепостное время и, кажется, разрабатывается посейчас. Мы ехали в области настоящей уральской Калифорнии, где богатствам не было счета и все сокровища сосредоточивались на расстоянии нескольких десятков квадратных верст. Наша дорога пролегла прямо по золотым и платиновым россыпям. В описываемое мною время, – середина шестидесятых годов, – деревня Захарова являлась самой убогой деревушкой, половина населения которой после объявления «воли» ушла в Барабинскую степь. На земле, насыщенной миллионами, стояло около полутора десятка развалившихся избенок. Правда, что тогда платина стоила от 10 до 30 копеек за золотник, а сейчас она стоит около 3 рублей золотник. Кажется, это роковая судьба многих русских богатств: их начинают ценить только тогда, когда они исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.